

ВИКТОР КОВАЛЕВ

Моя любимая волчица Магда

Виктор Ковалев

Моя любимая волчица Магда

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556931
ISBN 9785005042897*

Аннотация

Цикл зоновских рассказов Ковалева... Казалось, это творческое поле пахано и перепахано еще с девяностых годов. Кто только не приложил к этому руку. Но на мой взгляд произведения Виктора Алексеевича сопоставимы только лишь с творчеством Варлама Шаламова. Разумеется, с точки зрения литературного дарования, потому что никакого подражания там нет и близко. Автор ничего не придумывает, он пишет о том, что видел собственными глазами. Игорь Горбачев, член Союза Брянских литераторов.

Содержание

Ожидание Маргарет	7
Ночной парад на Дворцовой	19
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моя любимая волчица Магда

Виктор Ковалев

Корректор Анастасия Казакова

© Виктор Ковалев, 2019

ISBN 978-5-0050-4289-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Ковалев – сын своего жестокого времени. Жизнь его сложилась так, что он неизменно оказывался в гуще событий, происходящих в нашем Отечестве. Его судьба – это судьба поколения, родившегося в относительно спокойные годы, но чья молодость пришлась на время беспощадного перелома. Слом общественного строя, развал страны, изменение общепринятых ценностей, поиск себя в это непонятное, затянувшееся время. Будучи человеком с активной гражданской позицией, Ковалев неизменно оказывался на острие всех этих бесконечных переломов. Блестящий курсант, офицер, криминальный авторитет, бизнесмен – в каких только ипостасях не пришлось побывать Виктору Алексеевичу. Все

это неизменно находит отражение в его творчестве.

Произведения Ковалева поражают своей беспощадной откровенностью. В них нет какой-то заретушированной благодати, стремления во что бы то ни стало понравиться читателю. Но там не найти и нецензурщины, автор не опускается до так называемого нижепоясного стиля. Нет, он слишком уважает себя и своих читателей. Но оказывается, излагать обо всех жестокостях, низменностях человеческого бытия можно и не скатываясь в литературном отношении до «первобытного» уровня, при этом писать так, что захватывает буквально каждая строка. Именно этим и отличается истинное творчество от заплонивших книжные прилавки дешевых пародий.

Цикл «зоновских» рассказов Ковалева... Казалось, это творческое поле пахано и перепахано еще с девяностых годов. Кто только не приложил к этому руку. Но, на мой взгляд, произведения Виктора Алексеевича сопоставимы только лишь с творчеством Варлама Шаламова. Разумеется, с точки зрения литературного дарования, потому что никакого подражания там нет и близко.

Психологизм Ковалева поражает. Заставляет думать и переживать людей абсолютно неэмоциональных и, казалось бы, немало повидавших в жизни. Автор ничего не придумывает, он пишет о том, что видел собственными глазами.

Что получается в итоге? Сколько объемистых так называемых трудов наваяно, написано, напечатано! Тех, которые

читаешь от избытка времени в поезде, самолете, на пляже и о которых тут же забываешь, едва перевернув последнюю страницу. Произведения же Ковалева не забудешь. Именно поэтому это истинная литература.

Игорь Горбачев, писатель, член Союза брянских литераторов

Ожидание Маргарет

Утром, задвигая шторы, Маргарет опять превратилась в старуху.

Волосы с проседью, которых не успела коснуться расческа, ниспадали на плечи, движения были старческими, поступь тяжелая, неуверенная, лицо беззастенчиво бороздили морщины. Вечером меня встречала совсем другая Маргарет – молодая женщина, стройная, улыбчивая; правда, обнимая меня и прижимаясь ко мне всем телом, она вдруг ни с того ни сего сотрясалась в рыданиях. Я всегда пытался понять, почему при встрече Маргарет плачет, может потому что мне повезло и меня не забрал катер с этого острова.

Я пил какой-то напиток, на острове непонятно что пьешь и ешь, здесь абсолютно меняется вкус еды. Я смотрел на постаревшую Маргарет, зная, что вечером меня опять встретит молодая красивая женщина. Затем буквально с каждым часом начнет стареть, пока не превратится в пожилую, какой я привык видеть ее каждое утро.

Мне хотелось быстрее уйти, но я своим спешным уходом боялся обидеть Маргарет, ведь она оставалась одна в большом и немного мрачном доме, и чем ей предстояло заняться до моего возвращения, не знал. Да и не хотел знать.

Махнув на прощание шляпой Маргарет, стоявшей на балконе и уже вытиравшей слезы, я, поигрывая тростью, не то-

ропясь шел по дорожке, усыпанной крошкой из какого-то камня.

Пройдя пару сотен ярдов, вышел на аллею, усаженную невысоким кустарником, перемежавшимся деревьями. По краям аллеи стояло несколько скамеек с высокими, удобно изогнутыми спинками. На одной из них сидел Брюзга – полный мужчина средних лет в котелке и сером пальто.

– Присядьте, мистер Бэкет, окажите любезность, – обратился он ко мне, подвигая стопку пожелтевших газет. – Представьте себе, все одно и то же: мерзкая переменчивая погода, гадкий остров, все в ожидании прихода катера, но никто не показывает вида. Миссис Рэдлиф готовит все хуже и хуже. И самое главное: не поймешь, какую дрянь ты будешь сегодня есть. А почему вы сегодня без зонтика, а как же шторм со снеговой бурей? Здесь он может начаться в любую минуту.

– Я пережду в кафе миссис Рэдлиф или зайду в церковь – может быть, наконец застану падре.

– Падре тоже хорош, – проворчал Брюзга, – здесь все себе на уме. Что вы думаете обо всем этом, мистер Бэкет?

Мне уже хотелось уйти, тем более эти встречи происходили каждое утро и ничего нового для себя из этих встреч я не узнавал.

– Я полагаю, что ничего не изменится, мистер Стоун, все будет идти своим чередом, без каких-либо изменений. На острове ничего не меняется.

– В том-то и дело, и всем на это наплевать, – возмутился Брюзга, листая газету.

– Как вы думаете, мистер Бэкет, сегодня придет катер? – тихо спросил Брюзга, воровато оглядываясь по сторонам.

Почему-то прихода катера боялись все обитатели острова. После его отплытия кто-то исчезал, и потом только и было разговоров о пропавшем мистере или миссис. Один ученый муж, которого все звали профессором за изысканную манеру одеваться и не менее изысканный стиль общения, похоже, разгадал тайну острова. Он пробыл совсем недолго. Я помню его: он ходил по аллеям, что-то писал на листке бумаги и бормотал:

– Надо же, как дьявольски хитро здесь все устроено. Нужно отдать должное этим прохиндеям, лихо придумано. И, главное, все довольны.

Этой же ночью его забрал катер.

Кто приплывал на катере, было неизвестно. Однажды, возвращаясь в дом, где меня ждала Маргарет, я случайно услышал разговор постояльца Джека Бредли, молодого, здорового малого, бывшего моряка, с капитаном катера.

– Если я не захочу добровольно подниматься на вашу посудину, вы примените силу? – плачущим голосом спрашивал Бредли.

Я был сильно удивлен, что такой сильный, на вид мужественный человек вдруг хнычет, как старая леди.

– Боюсь, что да, сэр, – откашлявшись, как старый куриль-

щик, ответил капитан, скрывааемый темнотою, нависшей над морем.

Раскланявшись с Брюзгой, я пошел по аллее. Надо сказать, что остров, окруженный со всех сторон морем, был изрезан вдоль и поперек этими аллеями. Я увидел кокетку. Она сидела в красивом бежевом платье до пят, очень старинного покроя, не умалявшего от этого его достоинства, в шляпке, прикрывавшей убранные каштановые волосы. На скамейке лежал длинный голубой зонт с ручкой из слоновой кости. Кокетка смотрелась в пудреницу и пудрила розовые щечки.

– Доброе утро, миссис Салиман, – я учтиво поклонился, чуть приподняв шляпу. – Вы сегодня необычайно хорошо выглядите, прямо излучаете красоту и свежесть.

Щеки кокетки зарделись.

– Вы ловелас, мистер Бэкет, и ваше предназначение – разбивать сердца несчастных одиноких женщин.

Я спросил позволения присесть рядом и, получив его в виде легкого кивка, продолжил сыпать комплименты. Каждое утро было одно и то же: я осыпал кокетку комплиментами, она улыбалась, краснела, смущалась. Но ей нравилось, и в глубине души я понимал, что каждое утро она приходит сюда, чтобы встретиться со мной и услышать мои комплименты. Я сомневался только, порядочно-ли я поступаю по отношению к Маргарет, утешая себя, что это не измена, это легкий флирт и не более того. Что, интересно, подумала обо всем этом Маргарет, ведь я ей не делаю комплиментов.

Вряд ли она осталась довольна.

– Миссис Салиман, а как же наш уговор посетить отвесную скалу, выступающую прямо над морем, где цветет куст цветами необычайной красоты? Причем утром он расцветает, а ближе к вечеру лепестки цветов уже опадают, усыпая скалу бледно-розовым ковром. Помимо всего, со скалы открывается восхитительный вид.

– Право, не знаю, – смутилась кокетка, – прилично ли одинокой даме гулять по острову с мужчиной. Я подумаю, мистер Бэкет.

Это я слышал каждое утро. Ничего не менялось; к этому кусту, одиноко растущему на скале, я пойду в одиночестве. Хотя нет, там обязательно будет мальчишка. Я простился с кокеткой, выразив желание увидиться снова.

Войдя в кафе перекусить, я поприветствовал редких посетителей и занял свое обычное место на террасе с видом на уже порядком поднадоевшее море. Море с утра было спокойное, но я знал, что это спокойствие обманчивое, причем весьма. Стоило подойти ближе, как спокойное море сходило с ума и обдавало незадачливого гостя мириадами брызг, иногда окатывая с головы до ног. Когда посетитель спешно ретировался, море обиженно и раздосадованно затихало, словно предлагая продолжить игру снова. К вечеру море снова сходило с ума, поднимались огромные черные волны, и море швыряло их одну за другой в ужасном намерении смыть с острова все, что попадет на пути.

Миссис Рэдлиф подала мне на серебряном подносе завтрак, хотя его с тем же успехом можно было назвать и обедом, и ужином. Я неоднократно ловил себя на мысли, что не понимаю вкуса еды и даже не могу вспомнить названий блюд сразу после ухода из кафе. Тем не менее, поднимаясь из-за стола, я учтиво поблагодарил миссис Рэдлиф.

– Миссис Рэдлиф, вы сегодня превзошли себя, ваше мастерство не знает границ, и вы не перестаете удивлять меня. Вкуснее пробовать ничего не доводилось.

Я говорил миссис Рэдлиф эти слова благодарности каждое утро, но тем не менее ей приятно было слышать похвалу ее стряпне.

– Что вы, мистер Бэкет, обычные блюда, а вот мистеру Стоуну не нравятся.

– Видите ли, миссис Рэдлиф, во всей вселенной очень сложно найти повара, способного угодить мистеру Стоуну.

Я направился к церкви, но, увидев танцующую пару, остановился. Аккомпанировал на рояле уже немолодой музыкант; глядя, как он играет, я не мог понять, чего здесь больше – опыта или мастерства. И танцоры, и музыкант, казалось, были предоставлены сами себе. Танцующая пара состояла из худой высокой женщины и партнера, как показалось мне, чуть ниже ростом. У женщины были черные волосы, собранные в тугий узел, ярко накрашенные губы, она была в белом бальном платье, иногда обнажавшем красивые стройные загорелые ноги, танцевала, целиком замкнувшись

в себе, совсем не обращая даже малейшего внимания на своего партнера. И партнер, и партнерша исполняли свой танец для себя, их согласованность действий была сплошной, отточенной до мельчайшей детали механикой, порождавшей изящность, достигнутую бесчисленными повторениями.

Пианист тоже играл, сосредоточенно глядя в ноты и, кажется, совершенно не обращая внимания на танцующих. И эта разобщенность, сосредоточенность в самом себе порождали какую-то необъяснимую красоту танца и музыки. Только эта красота веяла не огнем страсти, а холодом одиночества. Смотреть можно было бесконечно, но я пошел дальше.

Невдалеке виднелась церковь. Сколько раз, заслышав орган, я мечтал войти в церковь, встретить священника в черном облачении с большим крестом на груди. С покрасневшими от бессонных ночей, проведенных в молитве, глазами, наполненными слезами, вызванными моим длительным отсутствием. Я столько должен ему рассказать, но много раз, предвидя нашу встречу, я знал, что меня хватит только на то, чтобы припасть к груди священника и выдохнуть в отчаянии:

– Падре...

Но каждый раз, войдя в церковь, я слышал только удаляющиеся гулкие шаги по неведомым мне коридорам. Мне так необходимо увидеться с падре, но я не знаю: в чем мне ему исповедаться? Разве что общение с кокеткой, ну, пожалуй, еще сны. Мне приснилась однажды знакомая до боли комна-

та, только почему-то там сделали ремонт, переклеили новыми обоями стены и потолок. И еще на стене не стало портрета, который был мне очень дорог, и безусловно, человеку, чье изображение было на портрете, был дорог я. Дороже всего на свете.

Далее я оказался на ночной улице. Ветер качал фонари, переворачивал урны и гнал обрывки газет и прочий мусор. Улица была безлюдна, и это пугало и настораживало меня. Но вот из-за поворота показалась шумная стайка парней и девчонок. Парней было двое, они громко разговаривали, шутили, пытаясь увлечь девушек, а те – их было трое – весело смеялись. Одна из них, худенькая, рыжеволосая, остановилась рядом со мной и пристально, перестав улыбаться, посмотрела на меня. Я, смутившись, попытался ей что-то сказать, но ее позвали подружки.

– Клэрис, – и она, еще раз взглянув на меня, улыбнулась и побежала догонять свою компанию. А я еще долго смотрел им вслед.

Выйдя из церкви, я продолжил свой путь к отвесной скале, пора было расцвести кусту. Не без труда взобравшись на гору, единственную возвышенность на острове, я увидел, что на площадке, нависавшей над спокойным морем, мальчишка опять дразнит куст.

Мальчик лет десяти в клетчатом пиджачке, коротких, до колен, брюках и черных гольфах бросает мелкие камешки в уже расцветший розовыми и синими бутонами куст.

При попадании камешка куст шипел и трясся всеми ветками. Представляю: если бы он мог сорваться с места и догнать шалуна, то здорово всыпал бы ему по первое число.

Мальчишка звонко смеялся, прыгая и приседая; кинув последний камешек и снова попав, с криком победителя промчался мимо меня. Я заметил, что мальчик всегда был без головного убора. В доме у Маргарет я видел детское кепи подходящего размера, тоже в клеточку, нужно будет забрать и при случае подарить этому юному хулигану. Я думаю, что Маргарет не будет против. Спустя некоторое время куст начал терять лепестки цветов, и вот уже вся площадка выступа скалы была устлана по щиколотку ковром из цветов. А куст, с одними немногочисленными желтыми листьями, стоял, отрешенно наблюдая, как поднявшийся ветерок уносит лепестки его цветов в бездну.

По пути вниз я встречал молодую даму в темном платье. Она, заломив руки, с очами, полными слез, неслась мне навстречу, казалось, она кого-то хотела найти. Возможно, этого шаловливого мальчишку – впрочем, это мне так хотелось думать, что она имеет отношение к этому мальчику. Если это так, то не мешало бы ей сказать, что мальчик дурно воспитан, раз дразнит куст.

Внизу добродушно плескалось море, заманивая меня своими бирюзовыми волнами.

– Нет уж, – прокричал я ему сверху, – на эту удочку я больше не попадусь.

Море обиженно притихло, а затем от досады яростно ударило несколько волнами о берег.

На одиноко стоявшей скамье сидел молодой человек в черном фраке, шляпа с широкими полями лежала рядом. Взгляд мужчины был сосредоточен на причале, возле которого швартуется катер, когда приходит за кем-то. В моей голове родилась мысль: может, женщина, ребенок и этот мужчина – одна семья, но почему я их никогда не видел вместе? И почему он каждый раз сидит на этой скамье и смотрит на причал, как будто ждет катера? Еще никто из обитателей острова не видел, когда приходит и уходит катер. О его приходе узнавали, когда кого-то не было видно на следующий день.

Близилось время урагана, я подошел к кафе. Миссис Рэдлиф с помощницей плотно затворяли ставни, опускали жалюзи, возле камина наготове стопкой лежали сухие дрова. Небо начинало темнеть, ветер с небольшого усиливался до ураганного, выползали свинцовые тучи, моросил дождь, переходящий в снег, и уже скоро остров был укрыт снежной шапкой.

Мы пережидали непогоду в кафе, греясь у камина; ураган всегда был непродолжительным. По аллее гуляли двое военных в одинаковых зеленых армейских плащах. Один из них, видимо старший и по возрасту, и по званию, обратился к другому:

– А помнишь, Дженкинс, когда нас неприятель загнал

в ловушку под Бэнкингтоном и первые редуты уже дрогнули, готовые обратиться в бегство?

– Да, сэр, если бы не ваш знаменитый бросок кавалерии, дело закончилось бы весьма печально.

– И что сказал главнокомандующий фельдмаршал Хоуп?

– Он сказал, что если бы не военный талант генерала Эйгера, мы все бы отправились к праотцам.

Эту историю Дженкинс рассказывал своему генералу каждый день, и, по-видимому, не один раз. Презрительно взглянув на гражданских, переживавших непогоду в уютном кафе, военные неспешно двинулись дальше.

Еще один день заканчивался. Вечер здесь наступал неожиданно и страшно, как падение с обрыва. Везде переставали гореть огни, усиливался ветер, и появлялся откуда-то необъяснимый страх, причина которого была мне непонятна, и от этого казалось еще страшнее.

И я начинал чувствовать ожидание Маргарет. Ее ожидание ручейками растекалось по всему странному острову, заполняло собой все пространство, превращалась в бурную реку, и я, подобно утлой лодчонке без руля и весел, несся, положась на волю течения. Я, перепуганный, врывался в теплый уютный дом, Маргарет, молодая, стройная, с сияющими от счастья глазами, обнимала меня, прижимала к себе что было сил, покрывала мое лицо поцелуями и безутешно рыдала.

Я обнимал ее, гладил по спине, волосам, говорил какие-то

нелепые слова, пытаюсь успокоить.

Я уверен, что она будет всегда, и я буду всегда, и катер не придет за мной ни сегодня, ни завтра. Он не придет никогда. Пока меня ждет Маргарет.

Самой замечательной женщине на свете, моей жене, я посвящаю этот рассказ.

Ночной парад на Дворцовой

14-й батарее ПВУРЭ ПВО посвящается

Наступил день, который все ждали, ждали с ненавистью и страхом, этой печальной участи были подвержены все курсанты третьих курсов нашего училища.

Начиналась подготовка к параду 7 ноября, очередной годовщине октябрьского переворота, совершенного большевиками. Начальник курса, капитан Голиков, на утреннем построении объявил, что все курсанты ростом от 175 сантиметров записаны в парадный расчет – коробку 16 на 16. И началось: строевая подготовка по шесть часов каждый день. К концу октября должны были начаться ночные тренировки на Дворцовой площади в Ленинграде для слаживания подразделений. Для большего эффекта при прохождении коробки по брусчатке коробку было велено подковать. На всю длину подошвы сапог саморезами прикрутили металлическую пластину, а на носок подкову. Создавалось впечатление, что идет не парадный расчет, а гарцует эскадрон. Наличие пластин проверялось каждый день, отсутствие каралось нарядами вне очереди. Правифланговые должны быть только отличниками боевой и политической подготовки и по возможности коммунистами. Коммунистов было немного. Курсантов начали дергать в особый отдел, политработники голосо-

ли, что любой проступок, любое нарушение воинской дисциплины будут иметь политическую окраску. Маховик военного дурдома набирал обороты. На первой ночной тренировке нас высадили в десятом часу вечера неподалеку от Дворцовой, которую мы уже ненавидели. Коробку перестроили в колонну по три, и мы двинулись мрачными улицами и переулками старого Питера. Грохот от пластин и подков был такой, что в окнах загорался свет, открывались окна, люди, высунув головы, пытались осмыслить происходящее. На предшествующих инструктажах рассказывали, что был случай, когда на голову курсанта из парадного расчета свалился или был специально сброшен цветочный горшок. Курсант был троечник, голова не была отягощена знаниями и поэтому не пострадала, а горшок разбился. Пройдя метров сто, мы уперлись в колонну моряков, которые, в свою очередь, подпирали пограничников. Сбоку оказались зажатые два икаруса с надписью «Интурист»; судя по флажкам на лобовом стекле водителя, интуристы были финнами. Автобусы тряслись мелкой дрожью, то ли от работы двигателей икарусов, то ли от страха пассажиров, испуганно выглядывавших из-за розовых занавесок. Было от чего трястись. Тысячи людей соответствующего роста, в военной форме, с карабинами и автоматами, да еще ночью, когда все мирные люди готовятся спать. Что они могли делать здесь, промозглой ночью, с оружием в руках? Ну конечно, как уже было, идти завоевывать страну лесов и озер, милую каждому финскому сердцу Суо-

ми. Чтобы казаться еще страшнее, и мореманы, и погранцы, вооруженные карабинами, примкнули штыки и очень синхронно выполнили команду «На плечо». Мы, чтобы не отстать, передернули затворы автоматов. Звук был неповторимый. Розовые шторы задернулись моментально. Была дана команда «Разойдись». Нашлись старые ящики, запылялся костер, и два курсанта с первой шеренги, с факультета энергетиков, Брынский и Дворянинов, потрясая автоматами и дико вопя, прыгая вокруг костра, исполнили обряд камлания эвенкийских шаманов. Из коробки, вмиг ставшей толпой, отделилась долговязая фигура и уныло поплелась к парапету, отделявшему плескавшуюся темными водами Неву от набережной.

Это был курсант Розанов. Он не входил в состав коробки, но Голикова тошнило от мысли, что Розанов будет греться в казарме, пока он, Голиков, будет морозить уши и нос на Дворцовой. Розанов был назначен запасным, так, на всякий случай. Леха Розанов был высок, невероятно худ и обладал необычайно длинным носом, доставлявшим Лехе немало досадных неприятностей. На курсе была традиция: при получении письма из дома нахлопать долгожданной весточкой по носу получателя. Понедельник – один раз, вторник – два, и так далее. Нетрудно догадаться, что Леха полу-

чал письма только по воскресеньям. Причем для усиления чувств от получения родительского письма в конверт вкладывалась расческа или обломок линейки. Местный художник Андрей Радченко по прозвищу Срак, подзуживаемый Водолазским и Гнеденковым, разрисовал спящего Розанова, он же Бом, Носенбом, Шнобель, Шлопак. Затем сняли крепко спящего Бома вместе с кроватью со второго яруса и тихо отнесли в туалет. Посреди ночи дежуривший по училищу подполковник Шитов, зайдя на курс, выслушав доклад дежурного, отправился посмотреть порядок в туалете. Там он и обнаружил кровать с Бомом, укрытым одеялом с головой. Когда Шитов сдернул одеяло, на него глянуло размалеванное страшилище. Из казармы Шитова вывели под руки, в сопровождении медсестры. Второй раз тот же Шитов нарвался на Розанова, когда тот прятался в шинелях, увиливая от зарядки.

Раздвигая шинели, ища возможного уклониста, настойчивый Шитов, отодвинув очередную шинель, завопил от ужаса: на него смотрело мертвенно-бледное лицо Бома, разукрашенное Сраком под Дракулу.

Бом не любил зарядку и все, что было связано со спортом. Он бежал, загрывая землю сапогами 47-го размера, оставив тощий зад, вытянув тонкую шею и делая такое скорбное выражение лица, что у всякого видевшего эту картину возникало неимоверное желание ускорить Бома пинком под зад. Преподаватель по физико-математике майор Панюхин называл Леху

сбежавшим из Бухенвальда и с нескрываемым удовольствием ставил двойки. Однажды Срак превзошел самого себя: он фломастерами Бому на носу изобразил красивый мужской половой член. Утром наступило воскресенье и подоспела весточка с родины. Только на этот раз вместо линейки и расчески в конверт насыпали медяков. Выйдя из спального кубрика, Бом столкнулся с Голиковым и двумя девчонками из библиотеки, пришедшими провести очередной тематический утренник, посвященный какой-нибудь книге и ее роли в воспитании будущих офицеров.

Увидев Бома, девчонки прыснули со смеха и схватились за животы. Голиков хлопал руками себя по бедрам, как курица, охал, ахал, открывал и закрывал рот в тщетной попытке что-то сказать.

Так вот, этот курсант Розанов, которого Голиков взял, как позже выяснилось, на свою голову, из левого кармана шинели достал крем для чистки обуви, из правого – щетку, предусмотрительно завернутую в полиэтиленовый пакет, и попытался начать чистить сапоги. Чистить очень мешал автомат. Немного подумав, Бом снял его и прислонил к парапету. К Бому подошел командир отделения с очень хмурым лицом. Такое лицо у сержанта Валеры Бондаренко стало после ночного дежурства в доме офицеров. Ночью он по-

знакомился с красивой рослой женщиной, прогуливавшейся по тротуару. Дама согласилась продолжить общение в актовом зале и сказала, что никуда не торопится, может с красивым курсантом остаться хоть на всю ночь. Начались поцелуи взахлеб, и в один момент Бондаренко засунул руку под юбку. Но там было такое... короче, красивая дама оказалась красивым плечистым мужиком. И часто можно было видеть картину, как Бондаренко смотрел на ту руку, которая трогала то самое, и тяжело вздыхал. Бондаренко, подойдя к Бому, уже замахнулся, чтобы дать увесистого пендаля, но, взглянув на окна икарусов, передумал.

– Слышь, радиоловитель хренов, будешь автоматы всему отделению чистить.

Бом выискивал в радиожурналах какие-то мудреные схемы, вместе с приятелем Пашей Горским что-то вырисовывали, выпиливали лобзиком, протравливали платы, паяли, настраивали по осциллографу, добиваясь нужных параметров, и выбрасывали в мусорку.

Бом вздохнул, положил автомат на парапет и принялся чистить сапоги. С неба падал мелкий снег, брусчатка была скользкая, неуклюжий Бом, скользя пластиной по брусчатке, нелепо взмахнул руками и, пытаясь найти точку опоры, коснулся автомата. Автомат скользнул по узкой гранитной стенке парапета и предательски свалился в Неву. Спустя минуту курсовой офицер, стукач и ябеда капитан Мухамедханов, взметая полы офицерской шинели, что было сил

бежал докладывать о ЧП начальнику факультета, только перевевшемуся из боевой афганской части полковнику Гаряеву по прозвищу Шерхан. Шерхан и Мухамедханов по национальности были татары, и у Мухи, так за глаза его называли курсанты, появился шанс подвинуть Голикова, пережавшего капитаном уже девять лет с исполняющего обязанности начальника курса на просто курсового офицера, а самому стать начальником и получить майора.

Узнав о случившемся, Голиков едва не потерял сознание, но дара речи лишился точно. Как он ждал этих заветных майорских погон. Все знали, что в его кабинете в шкафу висел новенький китель с погонами майора. Сколько раз, наперегонки с Мухой, для достижения своей цели сдавал своего предшественника, бывшего начальника курса подполковника Рыжкова. Настоящего комбата и отличного мужика. Все праздники, вместо того чтобы провести их с семьей, Гога – так звали Голикова курсанты – торчал в казарме, вынюхивая, выглядывая, и все равно его начальство драло как сидорову козу. Но после падения автомата можно было вместо капитана щеголять в погонах старшего лейтенанта. И это в лучшем случае. В худшем – положить партбилет на стол и пойти в роту обеспечения взводным, до скорого выхода на пенсию. Не торопясь, кошачьей походкой подошел Шерхан, закурил, сделав несколько глубоких затяжек, бросил окурочек в воду, посмотрел скорость течения.

Обратился к своему заму по политчасти полковнику Ры-

мареву:

– Нужно достать оружие.

– Как?

– Каком, как утратили.

– Батальон, стройся!

Насколько позволяло пространство, кое-как втиснулась коробка. Кроме нашего курса, были еще энергетика, инженеры и ракетчики.

– Коммунисты, шаг вперед! – пропищал Рымарев.

Строй шевельнулся, и коробка выдавила с десятков коммунистов и кандидатов в члены КПСС, в основном из последних шеренг. Шерхан прошелся вдоль шеренги и, поняв, что к автомату могут добавиться еще утопленники,скомандовал:

– Отставить, стать в строй.

Прозвучала новая команда:

– Курсант Матчамбаев, выйти из строя!

Вышел левофланговый первой шеренги Серега Матчамбаев, он же Чамберс, а просто боксер Серега с третьего «А» курса. На вопросы о его национальности неизменно отвечал: «Русский, а что, есть сомнения?» Сомневающимся не было. А боксер – потому что был кандидатом в мастера спорта в супертяжелом весе. И как возмущался Голиков, особо не прилагал даже малейших усилий, чтобы получить мастера. Сереге было удобно отлынивать под видом тренировок от различного вида дурацких хозработ, строе-

вой, уборки казармы или чистки плаца от снега. Он прекрасно в это время спал в спортзале или гулял по Пушкину, поскольку имел свободный выход в город.

Курсант Матчамбаев был любимцем всего курса и гордостью всего училища. Гордостью – потому что редкое его увольнение обходилось без драки с патрулем. Сколько раз он вызволял подвыпивших сослуживцев из цепких лап патруля! Когда на первые курсы командирами групп и старшинами стали ставить старшекурсников, те начинали зверствовать над «зелеными» курсантиками. Один, назначенный старшиной, заметив, что курсант, выходя из столовой, захватил кусочек хлеба, заставил его съесть перед строем, пока весь курс отжимался на плацу, в луже. Узнав об этом, Серега пришел на вечернюю проверку на этот курс и, ткнув буханкой подплесневевшего хлеба в грудь новоиспеченного старшины, прошипел:

– Даю минуту, чтобы ты его сожрал.

Тот, давясь кусками, испуганно поглядывал на Чамберса. Утром начальник потерпевшего старшины подполковник Манаенков выговаривал Голикову:

– Скажи своему головорезу, чтобы ко мне на курс ни ногой.

На зимних каникулах у нас на курсе оставалось три чело-

века: Чамберс, Саня Лосев и, конечно же, Бом. Серегу оставляли за драки в увольнениях, Бома – по настойчивой просьбе Панюхина за физио, а Лосева – за дороговизну билетов до Петропавловска-Камчатского, откуда он был родом.

– Ну зачем тебе, Лосев, переться на Дальний Восток? Далеко, дорого для казны, еще и нарушение привезешь. Посиди-ка лучше в казарме, отдохни, лекции повтори, учишься из рук вон плохо, в увольнение пару раз сходишь, может быть.

Бом чертил свои дурацкие электросхемы, Чамберс лежал на кровати на первом ярусе и запускал Лося в космос. Раскачивая кровать второго яруса с лежавшим на ней Лосевым, Чамберс подбирал слова, образованные от слова «лось»:

– Лосипетр, Лосиноостровск, напилось, пришлось, повелось.

Лосев, подпрыгивая на кровати, скрипел зубами и терпел выходки Чамберса; ему очень хотелось хоть раз съездить тому по зубам, но это было чревато последствиями.

– Послушай, знаток русского языка, назови три полных русских женских имени, но чтобы не оканчивались на «а» и «я». Назовешь, с меня чипок – офицерский буфет.

Раскачивание кровати прекратилось.

– Таня, Валя, Галя, Рая, Света; нет, все не то.

– Лось, знаю: соседка моя тетя Люба Кадомская, Люба, Любовь, есть.

Спустя некоторое время Чамберс снова заорал:

– Лось, опять узнал: подруга твоя Нелька, Нелли то есть.

У Лося с Нелли были очень высокие, трогательные отношения. Встретив Лося, возвращавшегося из редких увольнений, потому как учился плохо и был систематическим зачетчиком, мы, окружив его, с нетерпением спрашивали:

– Лось, ну как?

Лось деловито, неторопливо снимал шинель, вешал китель на плечики, доставал пачку кишиневского «Космоса», закуривал, внимательно осматривал каждого из нас – нет ли подвоха – и сокрушенно отвечал:

– Не дает.

Беседу Чамберса и Лося прервали ходоки-курсанты, оставленные на зимние каникулы из-за физо, с разных курсов и факультетов. Расценки у Чамберса были более чем демократичные. Спорткафедра получала спиртное с хорошей закуской, а Чамберс – чипок, проплаченные в буфете котлеты, сметану и свежие, с пылу с жару плюшки. К обеду двоечники по физо успешно пересдавали упражнения на брусках и перекладине и бежали оформлять проездные документы, а Чамберс в сопровождении Лося и Бома, пищавшего, что ему опять будет плохо, шли в буфет, где их ждали курсантские деликатесы. Через час Бом и Лось сидели, осоловевшие от сметаны и котлет, судорожно икали, а Чамберс возмущался:

– Э нет, ребята, так не договаривались, все должно быть съедено. Давай утрамбовывать, делай как я.

И прыгал через спинку стула, туда и обратно, под неодоб- рительные окрики буфетчиц.

Еще Чамберса не любили в женском общежитии Ленин- градского сельхозинститута. Точнее, студентки, особенно экономфака, очень любили, а вот вахтерши – ненавидели. На столе у вахтерши лежала памятка, в которой крупными буквами было написано:

«Курсанта Матчамбаева из ПВУРЭ не пускать под любым предлогом, таким как:

- Срочно нужно кого-то увидеть.
- Вопрос жизни и смерти.
- Зайти погреться.
- Его там очень ждут.
- Только на одну минуточку.

Курсант Матчамбаев срывает посещаемость студенток экономфака. Они беременеют».

Но нужно отдать должное Чамберсу: к внеплановым бере- менностям он не имел ни малейшего отношения. Он врвался с толпой курсантов, сдвигались столы, о потолок ударя- лись пробки из-под шампанского, приносилась гитара, Чам- берс, настроив, начинал петь. Нашу любимую бессмертно- го Булата – «Песенку кавалергарда». Все вокруг менялось. Студентки становились фрейлинами, халаты и сарафаны ме-

нялись на бальные платья, химия и простенькие стрижки становились изысканными прическами. Курсанты превращались в господ юнкеров, блестели эполеты и аксельбанты. Слышалось непривычное: «юнкер», «право, что вы себе позволяете», «увольте».

– Мадемуазель, я очарован вами-с.

Чамберс пел, и мы переносились в девятнадцатый век, несомненно, лучший и романтичный.

При всем этот Чамберс не заводил серьезных отношений, дальше легкого флирта дело не шло. Он недолго переписывался с какой-то дамой из Воронежа, но дальнейшего развития отношения, если они и были, не получили. Посетив однажды ДОФ, основной поставщик офицерских жен Чамберс сокрушенно произнес:

– Контингент все хуже и хуже, крокодил на крокодиле и бабой Ягой погоняет. Нужно что-то менять.

Две недели Чамберс с двумя курсантами с младших курсов сосредоточенно изучал популярный тогда брейк-данс. Посчитав, что уже можно показать публике, Чамберс с двумя товарищами прорвался в клуб мореманов, соседний с нашим военно-морским училищем. Фурор был полнейший. По окончании Чамберс объявил:

– Дорогие дамы, ждем каждую субботу в нашем ДОФе, брейк-данс будет всегда.

Выпихнув своих коллег по цеху через черный ход, он сам не успел выйти, схваченный расвирепевшими мореманами.

– Ты че, с курятника (так называли наше училище), совсем страх потерял? Мало что сам приперся, так еще девочек наших сманиваешь?

Чамберс рыдал:

– Пустите, морячки, клянусь: первый и последний раз, я знаю, вы меня бить будете.

– Догадливый какой.

Проходившие мимо курсанты старших курсов морского училища, знавшие Серегу, урезонили его:

– Серег, хорош прикалываться, а вы отпустите, пока зубы и челюсти целы и носы на месте.

Чамберс знал, когда нужно применять свое мастерство боксера. И против кого.

После первого курса, когда две наши группы были вывезены в летний лагерь, пользуясь моментом, что тогда еще комбат Рыжков спал пьяным в офицерском домике, дождавшись вечера, рискнули прорваться в сельский клуб на танцы. Поразвлечься с девчонками, но в клубе кроме девчонок были еще так называемые деды – старослужащие солдаты из близлежащих частей. Досталось нам по первое число. Избитые, окровавленные, в синяках и кровоподтеках, мы в лагере встретили Чамберса с двумя бидонами молока. Он, оказывается, успел посетить колхозную ферму и уболтать молодых доярок поделиться молоком.

– Кто? – заорал Чамберс. Затем, успокоившись: – Кто может, идем со мной.

Первым рухнул гигант с черными петлицами связиста. Началось избиение. Чамберс валил с одного удара супертяжеловеса, применяя уходы, уклоны, хуки, сальстепы и апперкоты. Через полчаса было все кончено. На полу лежало несколько неподвижных тел, слышен был девичий визг, солдаты жались к стенам, некоторые предусмотрительно выпрыгнули из окон.

На следующий день, построив курс, протрезвевший Рыжков прохаживался вдоль строя.

– Мне из штаба доложили, что у некоторых солдат сотрясение мозга, не считая выбитых зубов и сломанных носов. И, – он пристально посмотрел на Чамберса, – говорят, что это сделали наши курсанты.

– Врут, товарищ подполковник, сами между собой подрались. Вообще хулиганье так распоясалось, что проходу не дают.

Чамберс стоял перед Шерханом, ожидая дальнейших распоряжений.

– Курсант Матчамбаев!

– Я.

– Слушай боевой приказ. Достать оружие.

Чамберс оторопел.

– Вы че, еханулись, товарищ полковник? Май месяц

на дворе.

У Шерхана заходили желваки на скулах.

– Батальон, равняйся, смирно. Курсанту Матчамбаеву за отказ от выполнения боевого задания объявляю семь суток ареста.

Шерхану, может, хотелось объявить и больше, но 10 суток мог объявить только начальник училища.

– Повторяю приказ. Курсант Матчамбаев, достать оружие!

Чамберс глянул в глаза Шерхана. Что он там увидел – сгоревшие остовы КАМАЗов на серпантинах Афганистана, может еще что? Но отдав автомат, фуражку и белый парадный ремень стоявшему рядом курсанту, подошел к парапету и стал медленно расстегивать шинель. Чамберс знал, что следующее невыполнение идиотского приказа – трибунал и, возможно, дисциплинарный батальон. Разделся до трусов, причем Мухамедханов заметил, что трусы были неуставного красного цвета. Тут же был послан Чамберсом по месту прописки. Чамберс Муху посылал так часто, что тот уже не обращал на это внимания, воспринимая как само собой разумеющееся.

Чамберс недобрым взглядом окинул Бома, снял трусы и шагнул к парапету. По команде Шерхана Чамберса вокруг талии обвязали брючными ремнями, причем крепость каждого узла Шерхан проверил сам лично. Занавески в икарусах вновь пришли в движение, и, преодолевая страх, выглянули

испуганные и недоуменные физиономии интуристов. Интересно, что в этот момент им объясняла гид? Поежившись несколько секунд, переминаясь с ноги на ногу, Чамберс солдатиком шагнул вниз; раздался всплеск, и куча брызг взметнулась над парашютом. Мы, не дожидаясь команды, бросились к парашюту; на поверхности показался Чамберс, выдохнул и ушел под воду, блеснув ступнями. Через некоторое время, показавшееся нам бесконечностью, он вновь вынырнул, дернул за ремень, его потащили наверх, автомат был перекинут за спину. Дул пронизывающий ветер, падали снежные хлопья, Чамберса мы сушили шарфами, перчатками. Медсестра Гуля, всхлипывая, растирала мощный торс Чамберса спиртом. Чамберс выхватил у нее пузырек и сделал несколько глотков. Подождав, пока Чамберс оденется, Шерхан скомандовал:

– Батальон, равняйся, смирно! За образцовое выполнение боевого задания, проявленные при этом мужество и героизм курсанту Матчамбаеву объявляю, – Шерхан сделал паузу, в коробке зашептали: «Ну, верняк отпуск Сереге дадут». Шерхан выдохнул: – снимаю ранее наложенное взыскание – семь суток ареста... Была дана команда начать движение.

Проходя мимо второго икаруса, поравнявшись с последним окном, Чамберс увидел белокурую симпатичную девушку. Та, улыбаясь Сереге, нарисовала пальцем на запотевшем стекле сердечко, поцеловала его и показала на Серегу. Она была совсем из другого мира, где человеческая жизнь стоит

неизмеримо дороже куска железа, пусть и способного убивать.

После этого случая Чамберс сильно изменился, точнее, не изменился – каким он был, таким и остался, изменилось его отношение к нам. Он стал молчаливым, на шутки не реагировал, от услышанных анекдотов не смеялся, на заданные вопросы отвечал односложно: да, нет. Не выдержав такого отношения, Вадька Иванов взорвался:

– А что бы мы могли сделать, что бы ты сделал на нашем месте?

– Каждый сделал все, что смог, – отвечал Чамберс, – и закрыли эту тему.

Даже на выпускном вечере его не было вместе с нами. Куда он распределился, тоже никто не знал.

Михалыч сходняки собирал у себя в сауне, точнее, сауна была не его, а отобранная у одного из коммерсантов, но Михалычу нравилось, когда братва называл сауну «У Михалыча». Он сидел во главе стола, часть не прикрытого простыней тела украшали многочисленные татуировки. На столе стояло пиво и лежала вобла. Михалыч залпом осушил бокал, посмотрел на воблу, блестящую от жира: на воблу не хватало зубов. Зубы и здоровье наш пахан оставил на зонах, где в общей сложности, с небольшими перерывами, провел око-

ло 25 лет, чего вполне хватало по нынешним меркам, чтобы прослыть в криминальной среде авторитетом.

– Ну че там у тебя, Сивый, стряслось? Давай расскажи обществу, кто братву огорчил.

Поднялся тщедушный наркоман с впалыми щеками и бесцветными глазами. Голова была тронута сединой, за что и получил такую кличку.

– Коммерсила в Ногинске павильоны открыл, на предложение уделить внимание ответил отказом, пятерых наших положил, здоровый что конь, а у нас откуда здоровье?

– Положил наглушняк?

– Да нет, пацаны живы все, поломал только сильно.

– Молотобоец, значит, – пожевал губами Михалыч. – Чем торгует?

– Да игрушками какими-то.

– Монгол, – обратился ко мне Михалыч, – это по твоей части. За неуважение к братве порвать, чтобы другим коммерсилам неповадно было.

Слово «порвать» ограничения не имело: чем хуже для коммерсанта, тем лучше для братвы, вплоть до убийства, жесткого, показательного, поучительного.

– Кого брать?

– Сивого возьмешь с его командой, пусть покажут этого Рэмбо.

Приехав в Ногинск, найдя эти павильоны, которые и павильонами можно было назвать с большой натяжкой, скорее

большими ларьками, коих в России 90-х было великое множество, я достал ТТ, загнал патрон в патронник, чуть оттянул ударник, одновременно служивший предохранителем.

– Сидите пока здесь. Схожу оценю обстановку, по необходимости маякну.

Выйдя из девятки, я направился к ларькам, выбрав один, на витрине которого красовались детские игрушки, зашел с тыльной стороны. Я обомлел: за столом, улыбаясь, на меня смотрел Серега Матчамбаев. Мы обнялись. Он постарел, осунулся, даже, кажется, меньше стал ростом. Поговорили об однокурсниках, из 80 человек нашего выпуска служить осталось не более 10—12. Остальные уволились. Причем увольнялись все по-разному. Братья Гугуце и Бубуце, чтобы уйти из армии, приковали себя цепью на Красной площади, Вадик Иванов по кличке Припадок даже прыгал с поезда вниз головой. Помогло, уволили. Были и первые потери: Саня Лосев был убит в кафе пьяными малолетками, добродушный Саня Василюк, Андрюха Фарафонов, Эдик Шапран.

– Давай помянем ребят, – предложил Сергей, доставая напечатую бутылку коньяка.

– Я не пью, Сергей.

– Даже в этом случае?

– В любом, и в этом тоже.

– А я выпью. Царство небесное вам, мои братишки. Так Саня Лосев и не сказал мне третье женское имя.

Настало время перейти к главному – цели моего приезда.

– Ну, расскажи, Серега, как ты докатился до такой жизни, что стал барыгой? Пацанов наших бьешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.